

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

К 76

КОШЕЛЁЧЕК

УКРАИНСКИЕ НАРОДНЫЕ
С К А З К И

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО
Е.А. БЛАГИНОЙ

РИСУНКИ
Е. РАЧЕВА

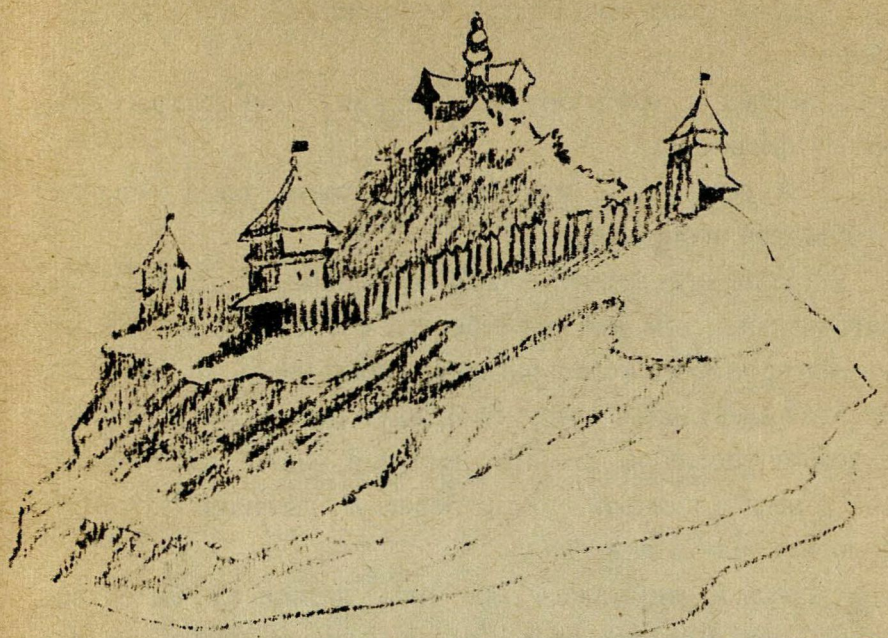
Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1949 Ленинград

1957-58 г.

~~42/94~~
~~НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА~~

681184 кх. Ред. 04

Российская государственная
детская библиотека

КИРИЛЛ КОЖЕМЯКА

Давным-давно жил в Кіеве князь. И был около Кіева змей. Каждый год посылали этому змею дань: либо молодого парня, либо девушку. Вот пришёл черёд посылать князеву дочку. Ничего не поделаешь — посылали горожа-

не, надо и князю послать. Ну, и отдал князь свою дочку в дань змею.

А дочка была так хороша, так пригожа, что и сказать нельзя.

Полюбил её змей. Вот она один раз к нему приласкалась, да и спрашивает:

— А есть ли, — говорит, — на свете такой человек, чтобы тебя поборо́л?

— Есть, — говорит, — такой в Кіеве, у Днепра. Как затопит хату, дым аж под небесами стелется, а как выйдет на Днепр мочить кожи (он ведь кожемяка), то не одну несёт, а двенадцать сразу. Набрыкнут они водою в Днепрё, я возьму уцеплюсь за них, а ему всё равно: как потащит, так и меня с кожей чуть на берег не вытащит. Вот этого человека только я и боюсь.

Княжна и задумалась над этим делом: как бы ей весточку домой подать и на волю к отцу вырваться? А при ней не было ни души, только один голубок. Она вскормила его в счастливые дни, когда ещё в Кіеве жила. Думала, думала, а потом и написала батюшке.

«Вот так, мол, и так, — пишет, — у вас, батюшка, в Кіеве есть человек, по имени Кирилл, по прозвищу Кожемяка. Попросите его через старых людей, не захочет ли он со змеем побиться да не вызовет ли меня, бедную, из неволи? Молите его, родной мой батюшка, и словами и подарками, чтобы не обиделся он за какое-нибудь неучтливое слово! Я за него и за вас буду век бога молить».

Написа́ла так, привяза́ла под кры́лышком го́лубя э́то письмецо́ и вы́пустила в око́шко. Голубо́к взви́лся под облака́ и прилете́л домо́й, на подво́рье кня́зя. А де́ти одни́ бе́гали по подво́рью, да и уви́дели голубка́.

— Ба́тюшка, ба́тюшка, — крича́т, — погляди́, голубо́к от сестри́цы прилете́л!

Князь спервонача́лу обра́довался, а пото́м подумал-подумал, да и затужи́л: «Неужели прокля́тый и́род загуби́л моё дите́?» А пото́м приману́л к себе́ голубка́ и уви́дал под кры́лышком письмецо́. Схвати́л он его́, чита́ет: до́чка пи́шет — так, мол, и так. Тут он поскорёй покли́кал к себе́ всех старши́н:

— Есть ли тако́й челове́к, что прозывает́ся Кири́ллом Кожемя́кой?

— Есть, князь, живёт над Днепрóм.

— Как бы к нему́ присту́питься, чтоб не оби́делся да вы́слушал?

Вот они́ так и э́дак сове́товались, да и посла́ли к нему́ са́мых ста́рых люде́й. Прихо́дят они́ к ха́те, приотвори́ли дверь со стра́хом и совсе́м испуга́лись. Глядя́т: сиди́т сам Кожемя́ка на полу́ к ним спиной и мнёт рука́ми двена́дцать кож; ви́дно то́лько, как колыха́ется его́ бе́лая борода́. Вот оди́н из посланце́в:

— Кхе!

Кожемя́ка испуга́лся, а двена́дцать кож то́лько «трр, трр!» Оберну́лся Кожемя́ка, а они́ ему́ в по́яс:

— Вот так, мол, и так: присла́л к тебе́ князь с про́сьбой.

А он и не смóтрит и не слóшает: рассердýлся, что чéрез них двенáдцать кож порвáл.

Онí опя́ть дава́й его́ проси́ть, дава́й его́ моли́ть, ста́ли на ко́лени... И слóшать не хóчет! Проси́ли, проси́ли, да и пошл́и, понúрив гóлову.

Что тут дéлать? Тоску́ет князь, скучáют и все старши́ны.

— А не послáть ли нам тепéрь млáдших?

Послáли млáдших — ничегó не сдéлали и онí. Молчít Кожемя́ка да сопít, бúдто не е́му говоря́т. Так разобрáло его́ за те ко́жи!

И догада́лся князь послáть к нему́ ма́лых дете́й. Те как пришл́и, как на́чали проси́ть, как ста́ли на ко́ленки да как запла́кали! Тут и сам Кожемя́ка не вы́терпел, запла́кал и говорíт:

— Ну уж ла́дно, для вас сдéлаю!

Пошёл к князю.

— Дава́йте, — говорíт, — мне двенáдцать бо́чек смо́лы и двенáдцать возо́в конопл́и.

Обмотáлся коноплёй, обсмоли́лся полúшке смо́лой, взял меч тако́й, что, мо́жет, в нём пудо́в де́сять, и пошёл к зме́ю. А змей е́му и говорíт:

— Ты что, Ки́рилл, пришёл би́ться и́ли мири́ться?

— Где уж мири́ться! Би́ться с тобо́ю, с прокля́тым, пришёл!

Вот и на́чали онí би́ться — аж земл́я гудёт.

Как разбеж́ится змей да схва́тит зубáми Ки́рилла, так кусо́к смо́лы и вы́рвет. Ещé разбеж́ится да схва́тит, так

пучок конопли и вырвет. А тот здоровенным мечом как огреет змея, так и вгонит его в землю. А змей огнём горит, ему жарко, а пока сбегает к Днепру напиться да прохладиться малость, Кожемяка уж коноплей обмотается да смолой обсмолился.

Вот выскочит из воды змей, разгонится на Кожемяку, а он его мечом только трах! Ещё разгонится, а он знай его мечом хлоп да хлоп! Аж эхо идёт.

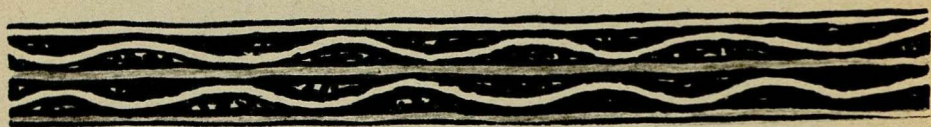
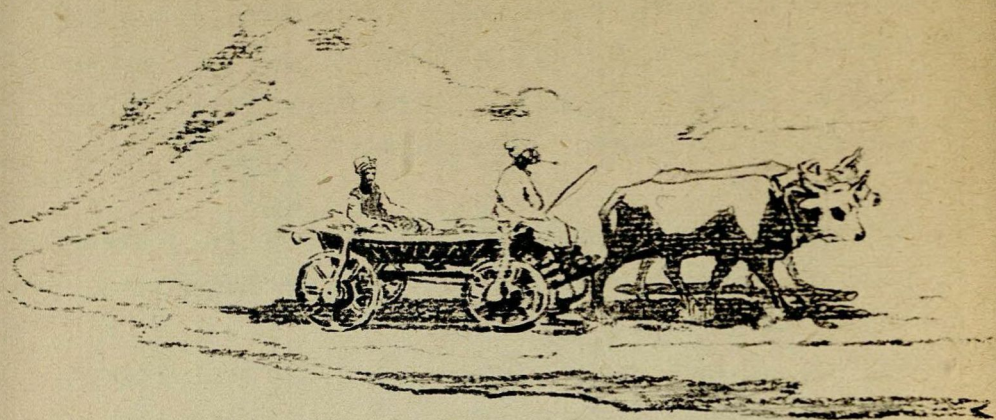
Бились, бились, дым клубом, искры летят. Разогрёл Кирилл змея, как кузнец лемех на горне: тот аж перхает, аж захлёбывается проклятый, а под ним земля стонет.

Народ на горах стоит, как неживой, сцепив руки ждёт, что будет! И вдруг змей — у-у-ух! Земля затряслась. Народ так и всплеснул руками:

— Ай да Кожемяка!

Ну, Кирилл убил змея, вызволил княжну и отдал князю. Князь уж и не знал, как его благодарить. Вот с того-то времени и начало зваться то место, где он жил, Кожемяками.

КОШЕЛЁЧЕК

Жили-были муж и жена, и была у них пара волов. А у соседей — повозка. Вот как настанет воскресенье либо праздник какой, кто-нибудь берёт волов и повозку, да и едет в церковь или в гости. А в следующее воскресенье — другой; да так и делились. Вот жена один раз и говорит мужу:

— Продай ты волов! Купим мы себе лошадь и повозку, да и будем сами, куда захотим, ездить. А то, небось,

сосѣди-то свою повѣзку не кормят, а нам волѡв кормить на́до.

Ну, муж напоил волѡв и повѣл. Ведѣт он их доро́гой, глядь — его́ догоня́ет челове́к с конѣм.

— Здо́рово!

— Здо́рово!

— Куда́ волѡв веде́шь?

— Продава́ть.

— Проме́няй волѡв на коня́!

— Дава́й.

Проме́нял он волѡв на коня́, иде́т с конѣм да́льше. Глядь — ему́ навстрѣчу челове́к с коро́вой.

— Здо́рово!

— Здо́рово!

— Куда́ коня́ веде́шь?

— Ве́л на я́рмарку волѡв продава́ть, да проме́нял их на коня́.

— Проме́няй коня́ на коро́ву!

— Дава́й.

По́менялись. Ведѣт мужи́к коро́ву. Глядь — го́нит чело́вѣк сви́нью.

— Здо́рово!

— Здо́рово!

— Куда́ коро́ву веде́шь?

— Ве́л на я́рмарку волѡв продава́ть, да проме́нял на коня́, а коня́ — на коро́ву.

— Проме́няй коро́ву на сви́нью!

— Дава́й.

Го́нит он э́ту сви́нью, глядь — челове́к овцу́ ведёт.
Поздору́вались.

— Променя́й сви́нью на овцу́!

— Дава́й.

Го́нит он овцу́. Глядь — челове́к гусака́ несёт.
Побесе́довали.

— Променя́й овцу́ на гусака́!

— Дава́й.

Пошёл да́льше с гусако́м. Глядь — несёт челове́к петуха́. Разговори́лись.

— Променя́й гусака́ на петуха́!

— Дава́й.

Несёт он петуха́. Глядь — челове́к нашёл на доро́ге пусто́й кошелёчек. Разговори́лись с ним.

— Вот я кошелёчек нашёл. Променя́й петуха́ на кошелёчек!

— Дава́й.

Спрята́л мужи́к кошелёчек и идёт на я́рмарку. Прихо́дит в го́род — на́до паро́мом рёчку переезжа́ть, а у него́ не́чем запла́тить за перево́з.

Перево́зчики и говоря́т ему́:

— Дава́й хоть э́тот кошелёчек!

Ну, он и о́тдал.

А там чумаки́ стоя́ли. Как узна́ли они́, на что он вы́менял кошелёчек, ста́ли смея́ться.

— Что ж тебе́, — говоря́т, — от жены́ за э́то бу́дет?

— Да ничегó! Ска́жет: «На́до ра́доваться, что хоть сам живо́й верну́лся».

И побы́лись о́ни об закла́д: е́сли же́на так ска́жет, то чумаки́ отда́дут ему́ двена́дцать чума́цких возо́в вме́сте с кнута́ми. Ну, тут же посла́ли о́ни одно́го чумака́ к той же́нке.

Вот он к ней прихо́дит:

— Здо́рово!

— Здо́рово!

— А ты ничегó не зна́ешь про ста́рого?

— Нет, не зна́ю.

— Он воло́в на ко́ня променя́л.

— Э́то хорошо́. Пово́зка недо́рого сто́ит, ка́к-нибу́дь спр́авим.

— Да и ко́ня променя́л на коро́ву.

— Ещѐ лу́чше: бу́дет у нас молочко́.

— Да и коро́ву променя́л на сви́ню.

— И то хорошо́: бу́дут у нас порося́тки.

— Да и сви́ню променя́л на овцу́.

— И то ла́дно: бу́дут ягня́тки да шерсть, бу́дет мне что прясть.

— Да и овцу́ променя́л на гусака́.

— И то де́ло! Бу́дут у нас и пух и пе́рья.

— Да и гусака́ променя́л на петуха́.

— Во́все хорошо́: пету́х ране́нько поѐт, бу́дет нас на рабо́ту буди́ть.

— А петуха́ он променя́л на кошелёчек.

— Куда́ лúчше: где кто зарабо́тает — он ли, я ли йли дётки, — бúдем в кошелёчек склáдывать.

— Да он и кошелёчек за перево́з о́тдал.

— Ну что ж, на́до ра́доваться, что хоть сам живо́й верну́лся.

Так э́ти чумаки́ и о́тдали чужаку́ двена́дцать чума́цких возо́в, да ещё и с кнута́ми.

РАЗУМНИЦА

Жили-были два брата: один бедный, а другой богатый. Вот богатый как-то сжалился над бедным, что у того ни ложки, ни плóшки, да и отдал ему до́йную корóву. Говорит:

— Помалёньку отрабо́таешь мне за неё.

Ну, бедный брат отрабо́тывает помалёньку. А потóм богачу́ сде́лалось жа́лко корóвы, он и говорит бедному:

— Отдава́й мне корóву наза́д.

Тот взмолился:

— Братец, я ж тебе за неё отработал!

— Что ты там отработал — как кот наплакал! А корова-то гляди какая! Отдавай, отдавай!

Бедному жалко стало своей работы, не захотел отдать. Пошли они судиться к барину. Пришли. А барину, должно быть, не захотелось голову ломать — думать, кто из них прав, кто виноват. Вот он и говорит им:

— Кто отгадает мою загадку, того и корова будет.

— Говори, барин!

— Слушайте: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего? Завтра придёте — скажете.

Пошли братья. Богач идёт домой и думает: «Ерунда, а не загадка! Что ж может быть сытее барской свиньи, быстрее барской борзой, милее денег! Моя корова будет!»

Бедный пришёл домой, думал, думал, да и затужил. А у него была дочка Маша. Она и спрашивает:

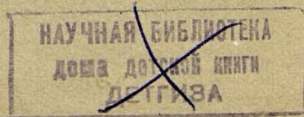
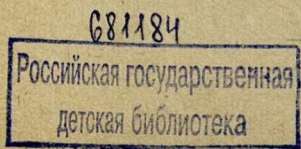
— Чего ты, батюшка, растужился? Что барин сказал?

— Да барин такую загадку загадал — голову сломать можно!

— А какая загадка, батюшка?

— Вот какая: что на свете сытее всего, быстрее всего, милее всего?

— Э, батюшка, сытее всего мать-земля — она всех кормит, поит, да и всех поедает; быстрее всего думка — с думкою куда хочешь прилетишь; а милее всего сон — как бы хорошо ни было человеку, он всё бросает, чтобы заснуть.

— Неужто? — говорит отец. — А ведь правда твоя! Так я и скажу барину.

На другой день приходят оба брата к барину. Вот барин их и спрашивает:

— Ну что, отгадали?

— Отгадали, барин, — говорят.

Вот богатый выступил вперёд, чтобы поскорее ответить, да и говорит:

— Сытее, барин, всего ваши свиньи, а быстрее всего ваши борзые, а милее всего — денежки.

— Э-э-э, врешь, врешь! — говорит барин. — Ну, а ты?

— Да что ж, барин, нет ничего сытее матушки-земли: она всех кормит, поит, да и всех же поедает.

— Правда! — говорит барин. — Ну, а быстрее всего?

— Быстрее всего мысль-думка — с нею куда хочешь перелетишь.

— Так! Ну, а милее всего что? — спрашивает барин.

— А милее всего сон. Как бы хорошо ни было человеку, он всё покидает, чтобы заснуть.

— Всё так! — говорит барин. — Твоя корова. Только скажи мне: сам ли ты отгадал загадки или тебе кто помогал?

— Да что ж, барин, — говорит бедняк, — есть у меня дочка Маша. Это она меня научила.

Барин рассердился:

— Как так! Я такой умный, а она простая девушка — и мои загадки отгадала! Погоди же! Вот тебе десяток варёных яиц, отдай их своей дочери. Пусть она посадит на них на-

сѣдку, чтоб насѣдка за одну́ ночь вы́вела цыплѣт, вы́кормила их и чтоб твоя́ дѡчка зарѣзала трѣх, зажа́рила на за́втрак, а ты, пока́ я вста́ну, чтоб принѣс. Я ждать́ буду. А не сде́лает — бу́дет ху́до.

Иде́т бедня́к домо́й, пла́чет. Прихо́дит, а дѡчка спра́шивает его́:

— О чём, ба́тюшка, пла́чешь?

— Как же мне, дѡчка, не пла́кать? Дал тебѣ ба́рин деся́ток варѣных яйц да наказа́л, что́бы ты посади́ла на них насѣдку, чтоб насѣдка за одну́ ночь вы́вела и вы́кормила цыплѣт, а ты чтоб зажа́рила трѣх ему́ на за́втрак.

А дѡчка взяла́ горшо́чек ка́ши и говори́т:

— Отнеси́, ба́тюшка, э́ту ка́шу ба́рину да скажи́ ему́: пуска́й он вспа́шет зе́млю, посе́ет э́ту ка́шу, и чтоб она́ выросла про́сом, поспе́ла, и чтоб он про́со скоси́л, смолоти́л и натоло́к пшенá — корми́ть тех цыплѣт, кото́рым на́добно вы́лупиться из э́тих яйц.

Прино́сит бедня́к к ба́рину э́ту ка́шу, отдаёт её и говори́т: так и так дѡчка наказа́ла.

Ба́рин смотре́л, смотре́л на э́ту ка́шу, да и о́тдал её соба́кам. Потѡм нашѡл гдѣ-то стебелѣчек льна, о́тдал его́ бедня́ку и говори́т:

— Отнеси́ дѡчери э́тот лён. Пуска́й она́ его́ вы́мочит, вы́сушит, побыѣт, попряде́т и сотке́т сто локте́й полотна́. А не сде́лает — бу́дет ху́до.

Иде́т бедня́к домо́й, о́пять пла́чет. Встрѣча́ет его́ дѡчка, спра́шивает:

— О чём, ба́тюшка, пла́чешь?

— Гляди́-ка чего́: ба́рин дал тебе́ стебелёчек льна, да чтоб ты его́ намочила, высушила, помяла, напряла́ и вы́тка-ла сто локте́й полотна́.

Ма́ша взяла́ нож, пошла́ и сре́зала то́ненькую ве́точку с де́рева, дала́ отцу́ и говори́т:

— Неси́, ба́тюшка, к ба́рину. Пуска́й он из э́того де́рева сде́лает мне гребе́нь, гребе́нку и дни́ще, что́бы бы́ло на чём прясть э́тот лён.

Прино́сит бедня́к ба́рину э́ту ве́точку и говори́т, что́ до́чка велела́ из неё сде́лать. Ба́рин гляде́л, гляде́л, взял да бро́сил ве́точку, а сам ду́мает: «Э́ту обдурі́шь! Вида́ть, она́ не из таки́х!» Потом́ ду́мал, ду́мал и говори́т бедня́ку:

— Пойди́ скажи́ своёй до́чери, пуска́й она́ приде́т ко мне в го́сти, да так, чтоб ни шла, ни е́хала, ни боса́я, ни разу́тая, ни с гости́нцем, ни без гости́нца. А е́сли она́ э́того не сде́лает — бу́дет ху́до.

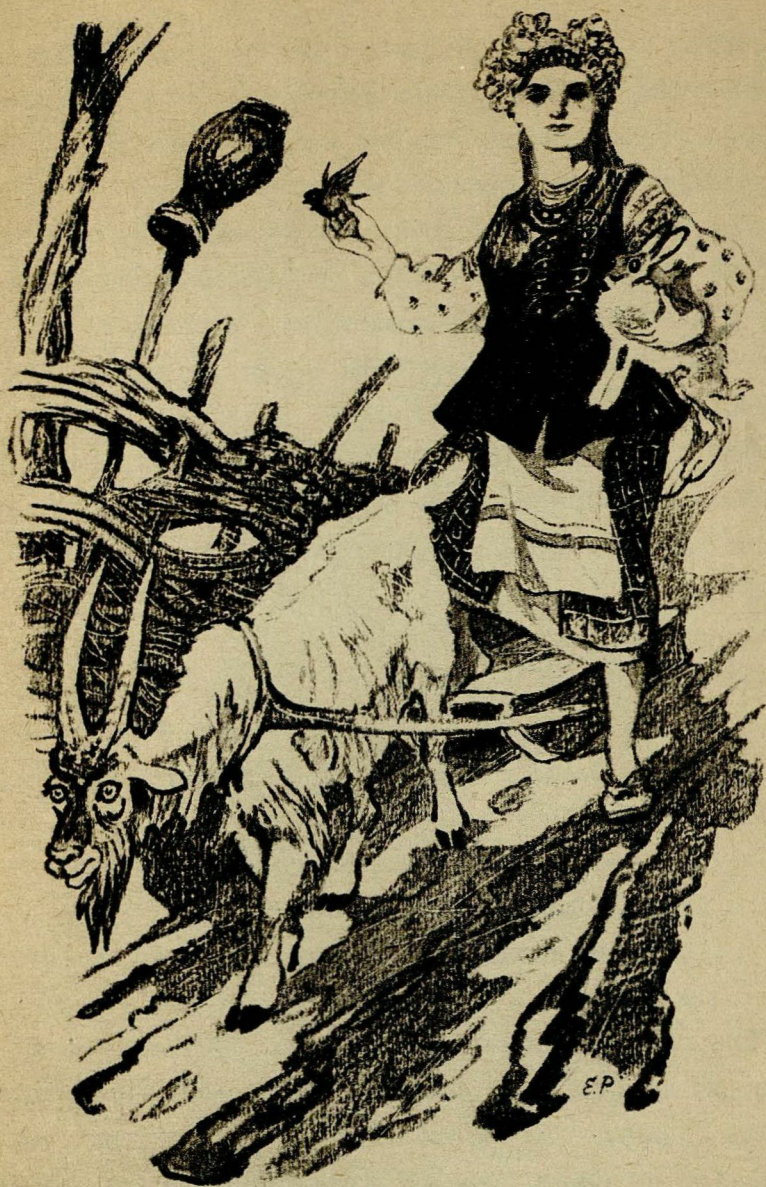
Иде́т оте́ц, пла́чет. Прише́л и говори́т до́чери:

— Ну что, до́чка, бу́дем де́лать? Приказа́л ба́рин так и так, — и рассказа́л ей все́.

Ма́ша говори́т:

— Не тужи́, ба́тюшка, все́ ла́дно бу́дет. Пойди́ купи́ мне живо́го за́йца.

Поше́л оте́ц, купи́л живо́го за́йца. А Ма́шенька одну́ но́гу обу́ла в рва́ный башма́к, друго́ю оста́вила босо́й. Потом́ пойма́ла воробья́, взяла́ са́ни, запрягла́ в них козла́. За́йца спря́тала подмышку, воробья́ взяла́ в ру́ку, одну́ но́гу

поставила в сани, а другою ступает по дороге — одну ногу козёл везёт, а другою идёт. Приходит этак к барину во двор, а он как увидел, что она так идёт, кричит слугам:

— Травите её собаками!

Те стали травить её собаками. А она и выпустила зайца. Собаки погнались за зайцем, а её бросили. Она тогда пришла к барину в хоромы, поклонилась и говорит:

— Вот вам, барин, гостинец, — да и подаёт ему воробья.

Барин только хотел его взять, а она выпустила воробышка, он — порх! — и улетел в открытое окно.

На ту пору пришли мужики к барину судиться. Барин и спрашивает:

— Чего вам, люди добрые?

Один говорит:

— Да вот что, барин: ночевали мы вдвоём в поле, а утром встали, глядь — моя кобыла жеребёнка привела.

А другой человек говорит:

— Врски, это моя привела! Рассуди нас, барин.

Вот барин думал, думал и говорит:

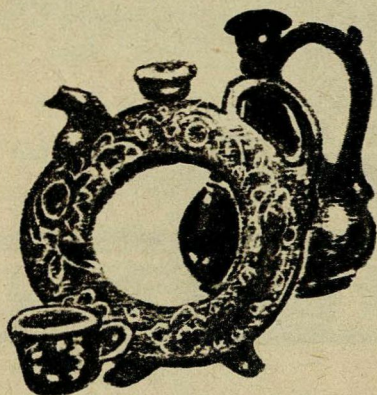
— Пригоните сюда жеребёнка и лошадей: к которой жеребёнок побежит, та и привела.

Пригнали запряжённых кобыл и пустили жеребёнка. А те два хозяина так затаскали этого жеребёнка каждый в свою сторону, что он уж и не знал, куда ему бежать, взял да и побежал незнамо куда. Ну, все растерялись. Что тут делать? Как рассудить? А Машенька говорит:

— Вы жеребёночка-то привяжите, а матерей распрягите да и пустите — котóрая побежит к жеребёнку, та и привела́.

Так и сдéлали: распрягли лошадей, а жеребёнка привязали — одна и побежала к нему́, а другая стои́т.

Ну, тут ба́рин ви́дит, что она́ такая разу́мная — никак её не перехитришь, — и отпусти́л её с миром.

НАЗВАННЫЙ ОТЕЦ

Оста́лись три бра́та сирóтами — ни отца́, ни ма́тери. И до́ма — ни кола́, ни двора́. Вот и пошли́ они́ по се́лам, по хутора́м в рабо́тники нанима́ться. Иду́т и ду́мают: «Эх, ка́бы наня́ться к до́брому хозя́ину!» Глядь — старичо́к идёт, ста́рый-ста́рый, борода́ бе́лая до по́яса. Поровня́лся стари́к с бра́тьями, спра́шивает:

— Куда, дѣтки, путь дѣржите?

А онѣ отвѣчаютъ:

— Наниматься идѣм.

— Разве у вас своего хозяйства нѣту?

— Нѣту, — отвѣчаютъ. — Кабы нам добрый хозяин попался, мы бы честно у него работали, слушались и, как родного отца, почитали.

Подумал старик и говоритъ:

— Ну что ж, будьте вы мне сынами, а я вам — отцомъ. Я из вас людей сделаю — научу жить по чести, по совести. Только слушайте меня.

Согласились братья и пошли за тем старикомъ. Идутъ тѣмными лесами, широкими полями. Идутъ, идутъ и видятъ — хатка стоитъ, такая нарядная, бѣленькая, пестрыми цветами обсаженная. А около — вишневый садик. А в садике — дѣвушка, пригожая, веселая, как те цвѣтики. Поглядѣл на нее старший брат и говоритъ:

— Вот бы мне эту дѣвушку в жены! Да коровъ, да волков побольше.

А старикъ ему:

— Что ж, — говоритъ, — пойдѣм свѣтаться. Будет у тебя жена, будут у тебя и волы и коровы — живи счастливо, только правды не забывай.

Пошли онѣ, сосватались, отгуляли веселую свадьбу. Сделался старший брат хозяиномъ и остался с молодой женой в той хатке жить.

А старикъ с младшими братьями пошелъ дальше. Идутъ онѣ

тёмными лесáми, ширóкими полями. Идúт, идúт и вíдят — хáтка стоíт, хорóшая, свётленькая. А рýдом пруд, у прúда — мёльница. И пригóжая дёвушка вóзле хáтки чтó-то дёлает — така́я работя́щая. Сре́дний брат посмотре́л на неё и говорíт:

— Вот бы мне э́ту дёвушку в жёны! А вприда́чу мёльницу с прúдом. Сидёл бы я на мёльнице, хлеб молóл, был бы сыт и дово́лен.

А старíк е́му:

— Что ж, сынóк, будь по-тво́ему!

Пошли́ онí в ту хáту, вы́сватали дёвушку, отгуля́ли сва́дбу. Тепе́рь сре́дний брат оста́лся с молодóй жено́й в хáте жить. Говорíт е́му старíк:

— Ну, сынóк, живи́ сча́стливо, то́лько пра́вды не забывáй.

И пошли́ онí да́льше — меньшо́й брат и на́званный о́тец. Идúт онí, смóтрят — бе́дная хáтка стоíт, и дёвушка из хáтки выхо́дит, как зóрька пригóжая, а таково́-то бе́дно обря́женная — пря́мо ла́тка на ла́тке. Вот меньшо́й брат и говорíт:

— Е́жели бы мне э́ту дёвушку в жёны! Рабо́тали бы мы, был бы у нас хле́бушек. Не забы́ли бы мы и про бе́дных люде́й: са́ми бы е́ли и с людьми́ дели́лись.

Тогда́ старíк и говорíт:

— Добро́, сынóк, так и бу́дет. То́лько гляди́ пра́вды не забывáй.

Ожени́л и э́того, да и поше́л себе́ путе́м-доро́гою.

А братья живут. Старший так разбогатёл, что уж и дома себе строит и червонцы копит — только о том и думает, как бы ему тех червонцев побольше накопить. А чтоб бедному человеку помочь, об том и речи нет — сильно скупой стал!

Средний тоже разжился: стали на него батраки работать, а сам он только лежит, ест, пьёт да распоряжается.

Младший живёт потихоньку: коли что дома заведётся, с людьми поделится, а нет ничего — и так ладно, не жалуется.

Вот ходил, ходил названный отец по белу свету, и захотелось ему посмотреть, как-то его сыны живут — с правдою не расходятся.

Прикинулся он старцем убогим, пришёл к старшему сыну, ходит по двору, кланяется низко, приговаривает:

— Подайте старику убогому на пропитание от щедрот ваших!

А сын отвечает:

— Не такой ты старый, не прикидывайся! Захочешь — заработаешь. Я сам недавно на ноги стал. Проваливай!

А у самого от добра сундуки ломаются, дома новые понастроены, товару полны лавки, хлеба полны закрома, денег несчётно. А милостыни не дал! Ушёл старик ни с чем. Отошёл, может, с версту, стал на пригоровок, оглянулся на то хозяйство да на то добро — так всё оно и запылало.

Пошёл он тогда к среднему брату. Приходит, а у того и мельница, и пруд, и хозяйство хорошее. Сам у мельницы сидит. Поклонился дед низехонько и говорит:

— Дай, добрый человек, хоть горстку муки! Я убогий странник, нечего мне есть.

— Ну да, — отвечает, — я ещё и себе не намолёл! Много вас тут таких шатаётся, на всех не напасёшься.

Ушёл старик ни с чем. Отошёл немного, стал на пригорок, оглянулся — так и охватило ту мельницу дымом-пламенем.

Пришёл старик к меньшому сыну. А тот живёт бедно, хатка маленькая, только что чистенькая.

— Дайте, — говорит старик, — люди добрые, хоть крошку хлеба!

А меньшой ему:

— Иди в хату, дедушка, там тебя накормят и с собой дадут.

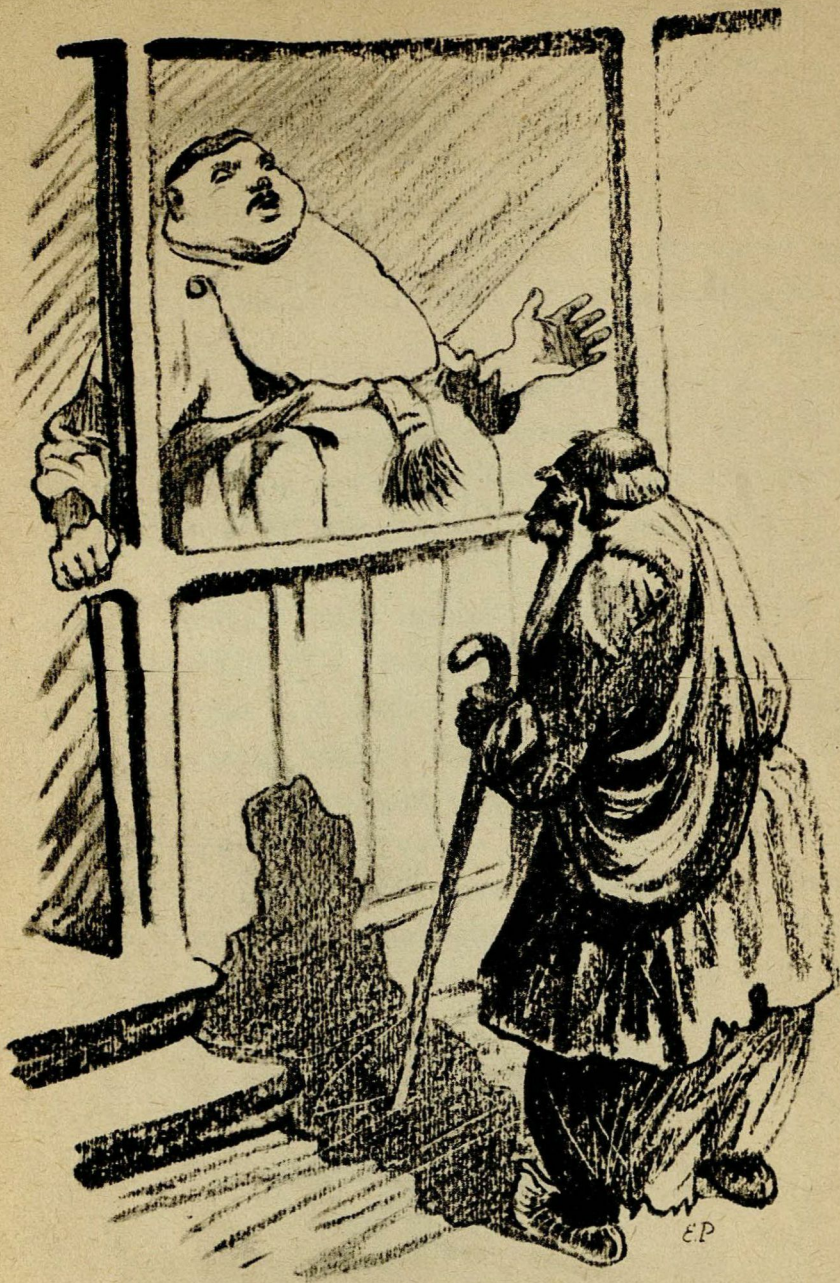
Приходит он в хату. Хозяйка поглядела на него, видит — он в лохмотьях, обтрепанный, пожалела его. Пошла в клеть, принесла рубаху, штаны, дала ему. Надел он. А как стал он эту рубаху надевать, увидела она у него на груди большую рану. Усадили они старика за стол, накормили, напоили. А хозяин и спрашивает:

— Скажи, дедушка, отчего у тебя такая на груди рана?

— Да, — говорит, — такая у меня рана, что от неё скоро я помру. Один день мне жить осталось.

— Экая беда! — говорит жена. — И нету от этой раны никаких лекарств?

— Есть, — говорит, — одно, да только его никто не даст, хоть каждый может.

Тогда́ муж говорѣт:

— А почему́ же не дать? Скажи́, какое́ лека́рство?

— Трудное! Если́ хозяин возьмёт да подожжёт свою́ хату́ со всем добромъ, а пепломъ с того́ пожара́ща засы́плет мою́ рану, то рана́ закро́ется и заживёт. То́лько не найдётся тако́го челове́ка на свете, чтобъ это́ сде́лал.

Задумался мла́дший брат. До́лго ду́мал, а пото́м и говори́т женѣ:

— А ты как ду́маешь?

— Да так, — отвеча́ет жена́, — что мы хату́ другую́ наживём, а до́брый челове́к умрёт и в друго́й раз не роди́тся.

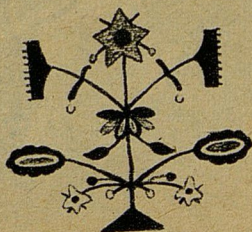
— Ну, ко́ли так, — говори́т муж, — выно́си дете́й из хаты́.

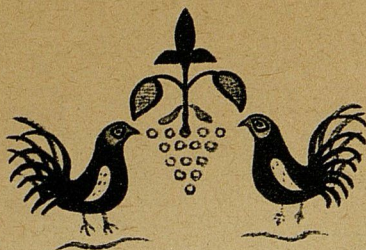
Вы́несли онѣ́ дете́й, вы́шли са́ми. Гля́нул челове́к на хату́ — жа́лко ему́ своего́ добра́. А стари́ка жа́льче. Взял да и поджѣг. Ха́та жа́рко заняла́сь и... пропа́ла. А на её́ ме́сте вста́ла друго́я — бе́лая, вы́сокая, на́рядная.

А дед стои́т, в бо́роду ухмы́ляется.

— Ви́жу, — говори́т, — сыно́к, что из вас тро́их то́лько ты оди́н с пра́вдою не разми́нулся. Живи́ сча́стливо!

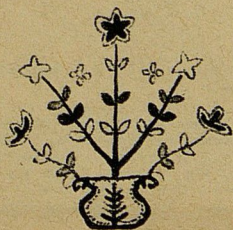
Тут узна́л меньше́й своего́ на́званного отца́, кину́лся к нему́, а его́ и следъ прости́л.

СОДЕРЖАНИЕ

Кири́лл Кожемя́ка	3
Кошелёчек	10
Разу́мница	16
На́званный оте́ц	24

Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР просит учителей нерусских школ сообщить свои отзывы о данной книге по адресу: Москва, Малый Черкасский пер., д. 1. Детгиз.

Для начальной школы

Ответственный редактор Г. Каримова. Художественный редактор В. Пахомов. Технический редактор В. Артамонов. Корректоры Е. Вильтер и Е. Трушкова. Сдано в набор 4/III 1949 г. Подписано к печати 11/IV 1949 г. 2 п. л. (1,21 уч.-изд. л.). 24190 зн. в п. л. Тираж 60 000 экз. А04217. Заказ № 2321.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал, 49.

1957-58 г.

1957-58 г.

1957-58 г.

42194

K76

Комеиёв

1949

30к

1949

Таромов

~~42194~~

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДОСТОЯНИИ
ДЕТЕЙ

Цена 30 коп.

150 =